

Международная научная конференция
«Развитие парламентаризма: история и современность»
«Таврические чтения»
6 декабря 2024 года

Таврический дворец
(Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д.47)

В.В. Калашников
Новейшая историография истории созыва и роспуска
Учредительного собрания¹

К новейшей историографии принято относить литературу постсоветского периода. Однако в моем докладе, с учетом ограниченного времени, основное внимание будет уделено работам последних лет, включая недавно изданный XI том двадцатитомной «Истории России». Тем не менее, эти работы будут поставлены в широкий контекст и рассмотрены в рамках сравнительного анализа советской и постсоветской историографии. Выделю наиболее важные отличия.

1. Общая оценка. Принципиально отличны общие оценки самого факта роспуска Учредительного собрания (УС). В *советской* историографии это событие трактовалось в позитивном ключе, поскольку роспуск позволял сохранить социалистическую направленность Октябрьской революции, а значит и возможность для «рывка», необходимого в условиях отставания царской России от Запада, критически опасного в эпоху империализма. Иными словами на кону стояла задача, сформулированная Лениным в сентябре 1917 года: «либо

¹ Доклад, прочитанный 6 декабря 2024 г. в Таврическом дворце на конференции «Таврические Чтения-2024». В докладе использованы материалы из статей автора: 1) Учредительное собрание как историографическая проблема // Таврические чтения-2018. СПб., 2019. Ч. 2. С. 151–160; 2) О некоторых трактовках истории Гражданской войны в новейшей историографии // Россия в эпоху революций и реформ. К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР. СПб., 2022. С. 134–169.

погибнуть, либо догнать передовые страны»². Нарушение формальной демократии, связанное с роспуском УС, советскими историками так или иначе признавалось, но оправдывалось борьбой за реальную демократию: большевики боролись за создание общества, свободного от эксплуатации, а эсеры – победители на выборах – осенью 1917 г. уже полностью приняли концепцию меньшевиков и на ноябрьском IV съезде ПСР устами Виктора Чернова заявили о необходимости оставить Русскую революцию в буржуазных рамках: «работать и существовать в рамках господствующей хоз. системы, в рамках капитализма»³.

В *постсоветской* историографии превалировала негативная оценка действий большевиков, что фиксировал термин «разгон», заменивший термин «ропуск». Никакой демократической составляющей в роспуске УС постсоветские авторы уже не видели, равно как и исторической необходимости Октября. В «эпоху Ельцина» советская модель развития трактовалась как «тупиковый путь». Негативная оценка роспуска УС во многих случаях опиралась на тезис о том, что разгон Конституанты стал «точкой невозврата» – причиной начала масштабной Гражданской войны.

2. «Точка невозврата». В *советской* историографии доминировала позиция, согласно которой крупномасштабная Гражданская войны в России началась только летом 1918 г. под воздействием факторов, созданных иностранной интервенцией: именно интервенция изменила соотношение сил внутри страны и позволила внутренней контрреволюции начать масштабную вооруженную борьбу против большевиков⁴. Таким образом, роспуск УС не рассматривался как непосредственная причина начала масштабной Гражданской войны. Советские историки подчеркивали, что тот локальный военный конфликт, который в январе 1918 г. шел на Дону, не был вызван роспуском УС. Донской атаман Алексей Каледин и руководители формирующейся на Дону Добровольческой армии не защищали интересы эсеровской Конституанты. При определении целей Добровольческой армии белые вожди с ходу отвергли предложение правого эсера Бориса Савинкова о восстановлении прав УС, избранного в 1917 году, заявив, что «об этом не может быть и речи»⁵.

Несостоятельность тезиса о роспуске УС как «точке невозврата» советские историки доказывали фактическим материалом, который свидетельствовал о том, что эсеры не смогли поднять крестьян на защиту прав Конституанты. Сильным аргументом были итоги работы крестьянских съездов, которые уже в январе 1918 г. прошли в 11 губерниях (Вятской, Московской, Олонецкой, Орловской, Пензенской, Пермской, Тамбовской, Тверской, Самарской, Саратовской и Симбирской) и одобрили акцию большевиков. В постсоветский период эти факты также приводились в трудах тех ученых, кто остался верным своим прежним взглядам⁶. Большое внимание советские историки уделяли и работе объединенного III Всероссийского Съезда Советов рабочих, солдатских и кре-

² Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 198.

³ Краткий отчет о работе 4-го съезда ПСР. Пг., 1918. С. 23.

⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 7.

⁵ См.: Лукомский А. С. Воспоминания генерала А. С. Лукомского Т. 1. Берлин, 1922. С. 286.

⁶ Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Стрелец. 2001. С. 65-66.

стьянских депутатов, который большевики и левые эсеры провели 10–18 января, т.е. почти сразу после роспуска УС. Съезд принял Закон о социализации земли, закрепивший октябрьский декрет о земле в левоэсеровской редакции. Важно отметить, что на III съезд Советов прибыла делегация от 46 донских казачьих полков, которая заявила о признании власти Советов «настоящей верховной властью»⁷. Именно эта позиция фронтового казачества заставила атамана Каледина застрелиться, а генерала Лавра Корнилова бежать с «добровольцами» с Дона на Кубань, где его ожидали поражение и смерть под Екатеринодаром: кубанское казачество в своей массе также не поддержало корниловцев. На Дону и Кубани установилась власть Советов, которая была потеряна только в результате иностранной интервенции (германской – на Дон, и антантовской – на черноморское побережье). Летом 1918 г. мятеж чехословацкого корпуса позволил небольшой группе эсеров создать в Самаре так называемый Комуч (Комитет членов Учредительного собрания), но этот орган не смог завоевать поддержку крестьян Поволжья и уже в сентябре войска Комуча (боевой элемент которых составляли чехословаки и бывшие офицеры царской армии) оставили Поволжье, а в ноябре 1918 г. все правительства так называемой «демократической контрреволюции» были сметены в результате военного переворота, который привел к власти адмирала Колчака.

В *постсоветской* историографии такая трактовка последствий роспуска Конституанты была отброшена. Важную роль сыграла монография тамбовского историка Л. Г. Протасова «*Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели*» (М., 1997). Отметим, что Протасов в течение многих лет вел работу по сбору и анализу конкретного материала по истории подготовки и проведения выборов в УС и в своей монографии представил наиболее полные сведения о ходе и результатах выборов. Однако в своих *оценках* автор был непоследователен и конъюнктурен. В 1979 г. он защитил «очень советскую» докторскую диссертацию «Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за победу Великого Октября»⁸, а после 1991 г. резко поменял свои взгляды и стал говорить об «исторической тупиковости» курса на социалистическую революцию в России⁹. Историк утверждал, что роспуском УС «была фактически спровоцирована Гражданская война, для которой это был более чем весомый *casus belli*», и роспуск придал Гражданской войне «особо затяжной и ожесточенный характер»¹⁰. Стоит отметить, что этот тезис Протасов просто постулировал, поскольку не рассматривал события Гражданской войны. В своих выводах он явно руководствовался позицией эсера Марка Вишняка, секретаря УС, автора книги «Всероссийское Учредительное собрание» (Париж, 1932), на которую историк часто ссылался.

В 2010 году книга Вишняка была переиздана, и историк А. Н. Медушевский в своем предисловии к новому изданию также опирался на тезис эсера:

⁷ Третий Всеросс. съезд Советов рабочих, солдатских и крест. депутатов. Пб., 1918. С. 82–83.

⁸ См.: Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978.

⁹ Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997 же. С. 317.

¹⁰ Там же. С. 323, 324.

«Роспуск Учредительного собрания, следовательно, означал ... Гражданскую войну и интервенцию, многомиллионную эмиграцию; отчуждение большевистской власти от общества и возможность ее сохранения лишь с помощью террора и репрессий по отношению к инакомыслящим»¹¹. Эта точка зрения стала доминировать в постсоветской историографии Русской революции.

Однако после окончания идеологической вакханалии «лихих» 1990-х годов некоторые постсоветские историки стали осторожно признавать тот факт, что роспуск УС не вызвал протеста со стороны крестьян и поэтому не мог стать причиной начала гражданской войны. Уже в 2000 г. такое признание сделал пензенский историк В. В. Кондрашин, ученик В. П. Данилова, с декабря 2017 г. – главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории ИРИ РАН. «Идея Учредительного Собрания – писал Кондрашин, – была популярна среди крестьян до тех пор, пока на него возлагалась надежда в решении земельного вопроса»¹². Приведем и более откровенную оценку, данную известным архангельским историком и историографом Гражданской войны В. И. Голдиным: «Идея Учредительного собрания осенью 1917 года и особенно зимой во многом изжила себя, как и связанные с ним надежды»¹³.

В 2018 г. в столетнюю годовщину начала Гражданской войны, у нас в Петербурге состоялась международная конференция *«Гражданская война в России: взгляд через 100 лет»*, в ходе которой участники ответили на ряд ключевых вопросов. Первым был вопрос: «Каким временем (событием) Вы датируете начало Гражданской войны?». Три именитых участника опроса (Алекс Рабинович, Рэкс Уэйд, Валентин Шелохаев) выбрали вариант ответа: разгон Учредительного собрания. Однако они рассматривали это событие скорее, как символ, а не как основную причину гражданской войны. Восемь историков (Д. Бажанов, Р. Гагкуев, А. Ганин, В. Голдин, А. Давыдов, В. Калашников, Д. Чураков, В. Шишкин) выбрали ответ: «выступление Чехословацкого корпуса (май 1918)», имея в виду именно начало крупномасштабной Гражданской войны. Остальные (А. Захаров, П. Кенез, Б. Колоницкий, С. Полторак, А. Посадский, А. Пученков, Д. Рэйли и Дж. Санборн, Дж. Суэйн, В. Цветков, М. Ходяков) заняли иные позиции, связанные с различным пониманием термина «Гражданская война»¹⁴. В любом случае опрос показал, что большинство его участников не считали роспуск УС «точкой невозврата».

В 2021 году вышла трехтомная энциклопедия *«Россия в гражданской войне»*. Ее авторы также не договорились об общей оценке значения роспуска УС. Так в третьем томе в статье об Учредительном собрании, роспуск УС назван «точкой невозврата», положившей «начало Гражданской войне»¹⁵. А в редакционном «Введении» к первому тому той же энциклопедии авторы счи-

¹¹ Медушевский А. Н. Предисловие // Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. М., 2010. С. 72. (Позицию Вишняка см.: Там же. С. 347).

¹² Кондрашин В. В. Самарский Комуч и крестьянство // Куда идет Россия? М., 2000. С. 122.

¹³ Голдин В. И. Ответы на вопросы // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. СПб.: СПбГЭТУ, 2018. С. 31.

¹⁴ Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. С. 187–189, 193–197.

¹⁵ Россия в Гражданской войне 1918–1922. Энциклопедия в 3 тт. М.: РОССПЭН, 2021. Т. 3. С. 523.

тают роспуск лишь «одной из предпосылок развертывания в 1918 г. ... полномасштабной гражданской войны»¹⁶.

Пару месяцев назад из печати вышел XI том 20-ти томного проекта «История России». Вторая книга тома посвящена Революции 1917 года. Ее основной автор и редактор В. П. Булдаков ушел от прямого ответа на вопрос о том, стал ли роспуск причиной начала крупномасштабной гражданской войны или нет, но 7-я глава, в которой рассмотрена проблема созыва и роспуска УС называется «Падение Временного правительства и начало Гражданской войны», что можно понять, как датировку автором начала Гражданской войны падением Временного правительства.

Подводя итоги краткому анализу позиций историков по вопросу о значении роспуска Конституанты в истории зарождения Гражданской войны в России, сделаем вывод: в новейшей историографии нет единого мнения по этому вопросу. Спектр позиций во многом обусловлен отсутствием единого мнения о том, какое смысл следует вкладывать в термин «гражданская война». Тем не менее более важным является другой результат: в постсоветский период не появились новые аргументы фактологического характера, которые могли бы показать, что крупномасштабная гражданская война стала прямым следствием роспуска УС. Напротив, по нашему мнению, ввод в научный оборот новых материалов лишь укрепил точку зрения советских историков.

3. Иррациональная парадигма. При анализе дальнейших сюжетов, из-за отсутствия времени, ограничусь в основном сопоставлением позиций, принятых в советской историографии, и тех, которые содержит только что изданный XI том двадцатитомной истории «Истории России».

Принципиальное отличие состоит уже в том, что *советские историки* трактовали историю созыва и роспуска УС в рамках *рациональной* парадигмы: считали, что вожди, партии и массы в ходе революции осознавали, выражали и защищали свои интересы. При этом историки не отрицали ни низкого уровня образования широких масс, ни влияния той анархической стихии, которую породила революция, вспыхнувшая на фоне военных тягот. Как известно, ее не отрицал и Ленин. В октябре 1917 года он прямо указывал на нарастание волны анархии, которая «может стать сильнее, чем мы», и видел в этом аргумент в пользу взятия большевиками власти до созыва Съезда Советов¹⁷. Необходимость учитывать социальную психологию масс в эпоху революции хорошо показал еще в 1973 г. ленинградский историк Г. Л. Соболев в монографии, посвященной революционному сознанию рабочих и солдат Петрограда¹⁸. Тем не менее, в советской историографии всегда преобладала трактовка событий революции как рациональных ответов большинства людей на текущую и порой резко меняющуюся ситуацию. Конкретная история всех основных этапов революционного года (Февральской революции, «июльских дней», корниловского мятежа, Октябрьского переворота и роспуска Конституанты) подтверждала именно такую трактовку.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 7.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. Соч. Т.34. С. 340.

¹⁸ Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973

В *постсоветский период* наиболее радикальный отход от советской историографической традиции произвел редактор и соавтор XI тома В. П. Булдаков. Он сделал акцент на *иррациональный* характер событий революции и руководствовался концепцией «красной смуты», взятой за основу в монографии, изданной им еще в 1997 году. Отметим, что концепция В. П. Булдакова неоригинальна, поскольку была создана современниками революции в основном в монархических кругах. И не только в монархических. В связи с упоминанием Марка Вишняка как одного из главных авторитетов в трактовке истории Конституанты, отмечу, что в конце 1920-х годов и он отчасти обратился к иррациональной парадигме. Вишняк критиковал П. Н. Милюкова за то, что тот в своей главной работе «История второй русской революции» якобы «*страдает излишней рационализацией*, внесением в историческую *стихию* политического смысла и разума». Вишняк называл революцию «вулканическим извержением», которым либералы и не могли овладеть, потому что не понимали свой народ. В то же время Вишняк говорил о процессе превращения изначального стихийного бунта в революцию, которая погибла потому, что правые социалисты оказались в «объективно безысходном положении»: перед необходимостью и невозможностью выйти из мировой войны ценой сепаратного мира¹⁹. Таким образом Вишняк не абсолютизировал бунтарскую составляющую русской революции. В. П. Булдаков пошел много дальше, чем Вишняк, свидетель и участник событий. В XI томе концепция «смуты» приобрела крайнюю форму и превратилась в концепцию иррационального «бунта охлоса». Я уже критиковал результаты применения В. П. Булдаковым иррациональной парадигмы при трактовке ряда проблем и сюжетов в истории революции. Так, в ноябрьском докладе на конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» в РГПУ имени А. И. Герцена были рассмотрены трактовки причин первой мировой войны и истории Февральской революции, предложенные В. П. Булдаковым в XI томе²⁰. Сейчас обратимся к трактовке истории Конституанты.

Своего рода камертоном для автора служат приводимые им высказывания представителей образованных классов о том, что они уже до созыва УС потеряли веру в его «спасительность»: способность стать авторитетным центром власти. Характерна ссылка на слова А. В. Тырковой, члена кадетского ЦК: «Никакие парламентские пути не выведут теперь Россию на дорогу. Слишком все спутано, слишком *темно*. И *силы темные* лезут... душат»²¹. Булдаков согласен с такими оценками и, более того, считает, что УС было в принципе обречено, потому что русский народ не дорос до идеи парламентаризма, а в условиях революции он просто не мог голосовать рационально. Историк обращается к работе Л. Г. Протасова и заявляет, что «буквально каждая ее страница подтверждает: даже самая совершенная процедура выборов в российскую конститу-

¹⁹ Вишняк М. Политика и история в «Истории русской революции П. Н. Милюкова // Современные Записки. 1927. Т. 31. С. 439, 441, 446.

²⁰ См. сноску на текст доклада на моей персональной страничке: https://etu.ru/assets/files/vvk_konf-gercena_2024.pdf

²¹ История России. В 20 томах. Том 11. Книга 2. С. 672.

анту, да и сама идея парламентаризма были *чужды* народному сознанию»²². Характерно, что сам Протасов дает иную оценку: «Идея народоправства, воплощенного в Учредительном собрании, безусловно, *не была чуждой* народам России»²³. Протасов отвергает и тезис о способности «темных сил» заставить крестьянство голосовать иррационально: «Оно принимало лишь то, что совпадало с простыми и ясными крестьянскими чаяниями»²⁴. Вопреки мнению Булакова, материал, собранный Протасовым, показывает высокую степень сознательности и активности рабочих в городах и крестьян в деревне, а также порядок в ходе голосования и объективность подсчета голосов. «Масштабная фальсификация, – пишет Протасов, – итогов голосования избирательным аппаратом *исключалась* — гарантами были гласность заседаний окружных комиссий, участие в их составе представителей всех соперничавших кандидатских списков, отсутствие партийности в низовых комиссиях, обязательная проверка всего выборного делопроизводства в окружных комиссиях»²⁵. Такое описание порядка работы низовых комиссий само по себе несовместимо с концепцией иррационального «бунта охлоса». Интересно отметить, что один из самых антисоветски настроенных западных историков Р. Пайпс, апологет «холодной войны», также признавал высокий уровень организации и проведения выборов в УС: «Кое-где наблюдатели отмечали незначительные нарушения: солдаты местных гарнизонов, склоняясь на сторону большевиков в ожидании обещанного теми скорого мира, запугивали ораторов от других политических партий. Но в общем и целом выборы прошли благополучно, особенно если принять во внимание сложные условия того времени»²⁶. Пайпс опирался в основном на эмигрантские источники, и его книга вышла в 1990 г., т.е. много раньше книги Л. Г. Протасова.

О спокойном и демократичном характере голосования говорят и сами результаты выборов. Победа кадетов над большевиками в 11 из 38 губернских городов, и высокий процент голосов, который они получили в Москве (34,2) и Питере (26,2) – убедительный аргумент: «охлос» не помешал двум миллионам граждан проголосовать за кадетов. Итоги выборов хорошо подтверждают и рациональный характер голосования: все современники ожидали как победу большевиков в промышленных центрах, так и победу эсеров в деревне, что и случилось. Кадеты ожидаемо набрали много голосов в обеих столицах, а национальные списки – в соответствующих национальных регионах. Существенных отклонений от ожидаемых результатов не было, за редкими несущественными исключениями.

3. Трактовка итогов выборов. В постсоветский период Л. Г. Протасов одним из первых отказался от советской историографической традиции, обоснованной в трудах О. Н. Знаменского и Л. М. Спирина, и повторил эсеровскую оценку результатов выборов, заявив, что «и с арифметической, и с *политиче-*

²² Там же. С. 671.

²³ Протасов Л.Г. Всероссийское учредительное собрание. С. 56.

²⁴ Там же. С. 225.

²⁵ Там же. С. 179.

²⁶ Pipes R. The Russian Revolution. New York: Knopf, 1990. P. 779–780.

ской точки зрения победа эсеров на выборах неоспорима»²⁷. Однако он привел и точку зрения Ленина, который «главным условием победы назвал умение обеспечить подавляющий перевес сил в решающих пунктах в решающий момент»²⁸. Из этого следовало, что политический результат мог и не совпадать с арифметическим. Но Протасов умолчал о том, что оценка итогов выборов, данная Лениным, была шире: Ленин отмечал, что за большевиков голосовали самые сознательные (организованные, образованные и информированные) слои простого народа. Этот подход и доминировал в советской историографии. Советские историки делали акцент на успехи большевиков, опередивших все другие партии в обеих столицах, в целом по городскому населению и в армии, а также среди крестьян в губерниях, близких к столицам и фронту. Достаточно просто сравнить итоги голосования в губерниях Промышленного центра (Москва и 9 губерний вокруг нее, где большевики получили 50% голосов), и земледельческого Центра России (Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Пензенской, где 73% получили эсеры)²⁹ для того, чтобы сделать очевидный вывод: крестьяне российской глубинки голосовали за эсеров, а те, кто был ближе к городам и обладал большей информацией, голосовали за большевиков, что являлось их несомненным успехом. В обоих случаях голосование определялось объемом и характером поступившей информации, и поэтому было рациональным.

В. П. Булдаков не склонен игнорировать политический успех большевиков, но итоги выборов он оценивает в рамках своей иррациональной парадигмы: «В критических обстоятельствах человек голосует непредсказуемо, *“иррационально”*, руководствуясь сиюминутными настроениями, случайными симпатиями и антипатиями, иной раз действуя «как все», то есть руководствуясь стадными инстинктами»³⁰. В принципе эту формулу можно принять, если не абсолютизировать, не распространять на большую часть населения, не выдвигать иррациональное начало на передний план. Однако Булдаков именно так объясняет успех большевиков на выборах в городах и армии: 1) «При анализе результатов выборов в Учредительное собрание *не стоит связывать* победу большевиков с классовой сознательностью пролетариата...»; 2) «Ленинские аргументы о том, что решительнее всего голосовали за “партию пролетариата” солдаты и матросы приближенных к индустриальным центрам гарнизонов, фронтов и флотов, *вряд ли объясняют* существо дела»³¹. Таким же образом он объясняет и победу большевиков в крестьянских губерниях, окружающих Москву и близких к Западному фронту: «Очевидно, что сказалось влияние солдат: *случаи* «политической левизны» были отголоском *инерции бунтарства*»³². Но объяснить, почему во Владимирской губернии, где 57% крестьян проголосовали за большевиков, «инерция бунтарства» была в два раза сильнее,

²⁷ Протасов Л.Г. Указ. соч., С. 164.

²⁸ Там же. С. 175.

²⁹ Там же. С. 174, 228–230.

³⁰ История России. В 20 томах. Том 11. Книга 2. С. 673.

³¹ Там же. С. 674.

³² Там же. С. 675.

чем, например, в Орловской или в Рязанской, где более 70% голосовали за эсеров, автор не берется. Отметим, что Протасов, на которого Булдаков постоянно ссылается, объяснял успех большевиков в крестьянской среде во Владимирской и ряде других губерниях в традициях советской историографии: «высоким удельным весом сельских рабочих, крестьян-отходников, бедноты на данной территории»³³.

4. О причинах ухода большевиков и роспуска УС. В XI томе читателю предлагают весьма странную картину работы Конституанты. Строго говоря, целостной картины просто нет. События разбросаны по всему параграфу без всякой связи между собой и с пропусками важнейших сюжетов. В. П. Булдаков даже не упоминает о том, что УС начинает свою работу с выступления председателя ВЦИК Якова Свердлова, который предложил депутатам признать декреты II Всероссийского съезда и прежде всего признать переход государственной власти в руки Советов. Автор не упоминает и об отказе эсеров уже в ходе заседания УС обсудить декларацию ВЦИКа. Он не приводит результаты голосования по этому ключевому вопросу, когда большинством в 237 голосов против 146 было решено не рассматривать декларацию, т.е. не признавать Советы органами государственной власти³⁴. Булдаков не говорит о том, что именно после такого отказа большевики покинули зал заседания.

Трудно представить себе более искаженную трактовку событий, поскольку нет сомнения в том, что именно отказ эсеров признать Советы государственной властью дал большевикам веский и всем понятный повод уйти из Таврического дворца. Отказ эсеров был той главной политической ошибкой, которая и сделала возможным роспуск УС. Согласие эсеров признать решения II съезда Советов лишило бы большевиков такой возможности. Эсеры прекрасно понимали цену вопроса, поскольку большевики предупреждали заранее. Ленин 13 декабря опубликовал «Тезисы об Учредительном собрании», в которых говорилось: «Для всего народа стало вполне ясным, что Учредительное собрание, если бы оно *разошлось* с Советской властью, было бы *неминуемо осуждено* на политическую смерть»³⁵. Что стояло за такой жесткой позицией большевиков? Понимание то, что к январю 1918 г. идея власти Советов завоевала твердую поддержку не только со стороны рабочих, но и большинства крестьян. По крестьянству уже к концу декабря 1917 г. расклад был таким: более половины волостных крестьянских Советов (53,5 %) высказались за власть Советов, 30% настаивали на передаче власти Учредительному собранию, в 16,5 % волостей население колебалось (данные по 415 волостям)³⁶. Булдакова эти цифры, хорошо известные в историографии, абсолютно не интересуют. Он заполняет страницы тома суждениями отдельных людей, которые делятся своими надеждами и тревогами и объясняют события революции иррациональными мотива-

³³ Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 230.

³⁴ Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 64.

³⁵ Правда. 1917, 26 (13) декабря.

³⁶ Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Стрелец, 2001. С. 65.

ми. И при этом автор умалчивает о важнейших политических причинах и принятых решениях, которые и определили судьбу Конституанты.

5. Национальный фактор. При рассмотрении истории созыва, работы и роспуска Конституанты Булдаков не уделяет внимания национальному фактору. Наиболее ярко роль этого фактора высвечивает позиция депутатов от Украины. Большинство украинских социалистов, победивших на выборах в УС (95 мандатов с учетом фронтовых округов) просто не поехали в Петроград, а прислали маленькую делегацию с наказом не принимать обязывающих решений. Украинские депутаты предложили Собранию свой план действий: «созыв краевых учредительных собраний и конгресса народов России, долженствующего объединить и завершить работы краевых собраний и в окончательной форме установить условия *союза* российских республик»³⁷. Понятно, что *Конгресс народов России* – это конгресс равноправных народов, а *союз* республик – необязательно федеративное государство. Латышский и эстонский депутаты, выступая в Таврическом дворце, ясно дали понять, что Латвия и Эстония ждут от России признания их прав на полное самоопределение. Эстонец сообщил о решении провести свое собственное учредительное собрание, которое «вполне свободно и суверенно определит международное положение Эстонии в семье других свободных стран и народов. Латыш заявил о желании латышского народа объединиться в «свободно самоопределяющийся политический организм»³⁸. Сепаратистские силы не собирались признавать решения Всероссийского Учредительного собрания по национальному вопросу, равно как и само его право принимать такие решения. Впрочем, и те, кто на словах был готов признать такое право, по-своему трактовал предложенное эсерами понятие «федеративная республика». Так, фракция мусульманских социалистов потребовала «санкционирования Учредительным собранием как образовавшихся штатов, так и находящихся в процессе образования, в частности штата “Поволжье”, “Южный Урал”, “Туркестанского” штата и др.». Штаты должны были немедленно получить права на «формирование и выделение (из общероссийской армии – В. К.) национальных частей»³⁹. Важность учета национального фактора при трактовке истории роспуска Конституанты не подлежит сомнению, но эта проблема В. П. Булдаковым не рассмотрена. Зато в параграф об УС почему-то были вставлены страницы, связанные с политикой большевиков по отношению к церкви. В целом ряде случаев компоновка материала в XI томе вызывает, мягко говоря, недоумение.

6. Учебники. Остается добавить и еще одно замечание, аналогичное сделанному мною в ноябрьском докладе на конференции в РГПУ. Речь идет о том, что трактовка истории роспуска УС, данная в XI томе двадцатитомной «Истории России», выпущенном под грифом ИРИ РАН в 2024 году, противоречит трактовке, данной в учебнике Минобрнауки, выпущенном в том же году под редакцией директора ИРИ РАН. Иными словами, налицо довольно неприят-

³⁷ Всероссийское Учредительное собрание. М.- Л.: Госиздат, 1930. С. 85–86.

³⁸ Там же. С. 101–104.

³⁹ Там же. С. 58.

ный «когнитивный диссонанс». Отметим, что в учебнике для вузов вся история Русской революции изложена в рамках рациональной парадигмы. При этом авторы четко объясняют роспуск УС отказом эсеров признать советскую власть и утвердить декреты Съезда Советов: «В январе 1918 г. было, наконец, созвано Учредительное собрание. Однако после того как оно *отказалось признать* советскую власть и утвердить декреты Съезда Советов, большевики его распустили». Отметим и то, что авторы учебника признают триумфальное шествие Советской власти в России в начале 1918 г., что снимает тезис о том, что роспуск стал непосредственной причиной Гражданской войны: «Подавляющее большинство российских регионов признали изменения, произошедшие в политической сфере. ... Не случайно советская историография, цитируя Ленина, называла конец 1917 – начало 1918 г. периодом триумфального шествия советской власти»⁴⁰. Все эти моменты говорят о том, что вопреки заявленной цели XI том не может служить «камертоном» для написания учебников. Он способен вносить только «историографическую смуту» в ряды преподавателей как вузов, так и школ.

Вывод: в XI томе многотомной «Истории России» ответственный редактор и основной автор В.П. Булдаков представил историю роспуска большевиками УС без указания на важнейшие факты и без анализа важнейших политических решений. В тексте нет внятной реконструкции конкретных событий и четкой оценки их значения. Автора больше интересовала задача обоснования концепции иррационального «бунта охлоса», с которой он также не справился, поскольку не нашел для нее серьезных аргументов: вся история созыва и роспуска Конституанты однозначно противоречит концепции «бунта охлоса». Рассмотренный нами сюжет подтверждает сделанный в ноябрьском докладе вывод о необходимости переиздания XI тома с другим ответственным редактором и на другой концептуальной основе.

⁴⁰ История России. Учебник для студентов. М.: Наука. 2024. С. 291–292.